

УДК 316.334.3

Отцовство в разных социальных режимах: возникновение «алармистского» дискурса

Липасова А.Н.

Аспирант кафедры анализа социальных институтов
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва)

Статья посвящена анализу гендерных режимов в странах благосостояния с точки зрения «алармистского» дискурса отцовства, который возник в 80-е гг. XX в. Теоретической рамкой сравнительного анализа выступает классификация социальных режимов Г. Эспинг-Андерсена и модель режимов гендерной политики Д. Сейнсбери. В странах благосостояния, условно отнесенных к либеральному, социально-демократическому и консервативному режимам, кризис отцовства имел разные причины. В странах либерального режима (Великобритания и США) источником общественной тревоги стало «безотцовское общество» и утрата отцами морального авторитета; в социально-демократическом режиме скандинавских стран фокус семейной социальной политики был направлен на укрепление эгалитарных отношений в семье, но отцовские практики менялись медленно; в странах, принадлежащих к консервативному режиму, традиционная модель «отца-кормильца» социально и экономически устарела. Автор приходит к выводу, что во всех рассматриваемых странах наблюдается «отставание» реальных отцовских практик от общественной риторики и проводимой социальной политики.

Ключевые слова: отцовство, гендер, семейная социальная политика, гендерный режим, социальный режим.

Как писал классик социологии Энтони Гидденс в конце XX в., «в истории еще не существовало общества, где женщины и мужчины обладали примерно равными правами» [1, с. 30].

Предписываемые гендерные роли являются основой индустриального общества. Как утверждают Ульрих Бек и Элизабет Бек-Гернскейм, без разделения мужских и женских ролей невозможно существование нуклеарной семьи, а без нее, в свою очередь, не могло бы возникнуть буржуазное общество с его привычными паттернами оплачиваемой работы и бесплатного домашнего труда [2, р. 24]. С одной стороны, наличие работающего за зарплату (*wage-earner*) требует комплиментарной роли выполняющего работу по дому (*house-worker*). В этом отношении индустриальное общество держится на неравных ролях мужчин и женщин. С другой стороны, это неравенство не соответствует современному образу мышления и приводит все к большему

количеству конфликтов и противоречий [3]. Происходящие в современном мире изменения делают женское поведение более маскулинным, поэтому эгалитарность в гендерных отношениях возможна лишь при смене мужского курса жизни в сторону более «феминного» [4, р. 70]. Алармистский дискурс относительно «мужского курса жизни» возник в 80-е гг. XX в. [5-6], однако в США и европейских странах он развивался по-разному.

Так называемые страны благосостояния имеют разные социальные режимы, которые напрямую связаны с гендерным режимом и гендерным порядком в обществе [7]. Гендерный режим – это набор правил и норм, создающий устойчивые ожидания относительно гендерных отношений и присваивающий определенные права и обязанности мужчинам и женщинам [8, р. 5]. Гендерно-сенситивный анализ социального устройства государств благосостояния позволяет выявить причины возникновения кризис-

ного дискурса относительно института семьи и, в частности, отцовства.

Классификация социальных режимов в странах благосостояния, предложенная датским социологом Гостой Эспинг-Андерсеном в 1990 г., является одной из ключевых теоретических рамок, используемых в сравнительных исследованиях гендерных отношений и семейной политики в европейских странах [3; 9-10]. Эспинг-Андерсен рассматривает страны благосостояния на агрегированном уровне в качестве «макросоциальных единиц». Его модель «трех режимов» основана на критике линейных подходов к изучению социального устройства стран благосостояния, принимающих во внимание только один из возможных индикаторов (объем затрат на социальную сферу, уровень развития демократии, степень социального неравенства и т.д.). Подчеркивая важность социальных отношений и взаимосвязь власти, демократии и благосостояния, Эспинг-Андерсен основывает свой анализ на предпосылке, что в основе государства благосостояния лежит социальное гражданство (по Т. Маршаллу), в котором он выделяет три ключевых принципа:

1) **декоммодификация**, которая показывает, насколько уровень благосостояния индивида зависит от его вовлеченности в рыночные отношения;

2) **стратификационная система**, поддерживаемая политикой государства;

3) **государственная интервенция** в рыночные и семейные отношения [10, p. 105].

Декоммодификация или степень зависимости социальных прав и уровня жизни граждан от рыночных сил усиливает позиции наемных работников в отношениях с работодателем и дает им возможность прибегнуть к коллективным действиям. Примером декоммодифицирующих социальных привилегий может служить оплачиваемый по полной рабочей ставке отпуск по болезни [9, p. 107]. На основе анализа схем выплат пенсий и пособий по болезни и безработице в 18 странах благосостояния Эспинг-Андерсен сделал вывод, что они делятся на 3 группы в зависимости от степени декоммодификации [9, p. 51]. Низкий уровень декоммодификации наблюдается в странах, где исторически сильны либеральные ценности, в то время как высокий уровень декоммодификации присущ социально-демократическим странам. Страны континентальной Европы занимают промежуточную позицию.

Основываясь на аналогичных измерениях уровня социальной стратификации и государственной интервенции (низкий – высокий), Эспинг-Андерсен выделяет 3 социальных режима в современных государствах благосостояния – либеральный, социально-демократический и консервативный.

Либеральный режим основан на «остаточном» принципе, что означает, что вмешательство государства происходит лишь в ситуации провала рынка.

Помимо зависимости от рынка, этот режим характеризуется относительно высокой стратификацией доходов граждан и государственной интервенцией, регулирующей рыночные отчисления в фонды социальной защиты. Типичными примерами либерального социального режима являются США, Канада, Великобритания и Ирландия.

В консервативном режиме социальные права напрямую связаны со статусом и классом, сохранение статуса является главной целью. В странах с консервативным режимом большое влияние имеют церковь и традиционные семейные ценности. Государственное вмешательство происходит лишь в случае, когда ресурсы семьи на поддержку ее членов исчерпаны. Представителями этого режима являются Германия, Франция, Австрия и Италия.

Социально-демократический режим основан на принципах универсализма и эгалитарности, социальные привилегии обеспечиваются гражданством и оплачиваются из налоговых поступлений. Данный режим характеризуется высокой степенью декоммодификации, интенсивным государственным финансированием социальной сферы и стремлением к эгалитарной классовой структуре. Он характерен для скандинавских стран.

В 90-е гг. XX в. начались попытки охарактеризовать социальные режимы в странах благосостояния с точки зрения гендерных отношений. Например, Джейн Сейнсбери помещает в фокус своего исследования разделение труда между полами и то, «как гендерные идеологии влияют на распределение социальных благ, а социальная политика, в свою очередь, меняет жизнь мужчин и женщин в странах благосостояния» [3, p. 42]. Сейнсбери вводит понятие «режимы гендерной политики» (*gender policy regimes*), «различия между которыми основаны на фактических или нормативных представлениях относительно отношений полов, принципах распределения прав и социальной политике» [8, p. 251]. По мнению Сейнсбери, таких режимов три: «режим отца-кормильца» (*male-breadwinner regime*), в котором отец обеспечивает семью, а матери отводится роль домохозяйки, «режим гендерных ролей» (*separate gender roles regime*), основанный на строгом разделении труда, однако признающий равную значимость финансового обеспечения и домашнего труда, и «режим двойной зарплаты и заботы» (*individual earner-carer regime*), гарантирующий мужчинам и женщинам равные права и обязанности в сфере оплачиваемого труда и заботы о детях.

Ряд исследователей феминистского направления находят классификацию Эспинг-Андерсена неудовлетворительной для анализа изменений, происходящих в семье и гендерных отношениях [11, p. 12]. Тем не менее «архитектура» социального режима во многом определяет степень гендерного равенства: социально-демократический режим поддерживает

занятость матерей и совмещение ими домашних и трудовых обязанностей; минимальное вмешательство в рыночные процессы в либеральном режиме делает положение женщин уязвимым и незащищенным; семейно-ориентированный консервативный режим ограничивает участие женщин на рынке труда или заставляет их делать выбор между карьерой и семьей [12]. Однако анализ различий в гендерных режимах несправедливо ограничивать лишь «женской точкой зрения». Здесь мы попытаемся провести его с точки зрения дискурса отцовства.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ РЕЖИМ: ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И США

В Великобритании отцовство стало фокусом социальной политики в 80-е гг. XX в. [13]. Поскольку исторически в этой стране превалировала и поддерживалась государством модель «отца-кормильца», основное беспокойство у политиков стала вызывать способность отцов содержать семью. В контексте британского государства благосостояния мужчин решено было поддерживать как кормильцев, граждан, солдат, ветеранов, но не как отцов [14]. За женщинами, напротив, закреплялся статус матерей и жен, но не работников и граждан. «Естественные женские обязанности» матерей и жен давали женщинам право на государственную поддержку – пособия по уходу за детьми и медицинские услуги, в то время как «естественные мужские права» – зарабатывать деньги и контролировать жен и детей – накладывали на мужчин обязанность обеспечивать семью. Таким образом, интервенция государства в семейную жизнь граждан заключалась в том, что оно наделило мужчин правами, чтобы они выполняли свои обязанности [15]. Такая попытка сместить баланс сил в треугольнике семья-рынок-государство не оставила отцам возможности проявлять эмоциональную заботу о детях, вне зависимости от их отношений с матерью ребенка и степенью овладения ими роли «добытчика».

В 80-е гг. XX в. британское законодательство четко разграничило публичную и частную сферы жизни граждан: публичное право признавало, что мужчина должен обеспечивать только ту семью, в которой он живет, а частное пыталось доказать, правда, с небольшим успехом, что он должен заботиться и о своей «первой» семье. В общественном дискурсе отец представлял из себя неудачника, не способного ни содержать семью, ни служить ролевой моделью своим детям. Поддерживать одиноких матерей в итоге приходилось государству. Его основной заботой относительно отцов стала попытка привязать их к семье и пробудить в них родительскую ответственность как для блага их детей, так и для того, чтобы оградить общество от их безрассудного и антисоциального поведения [13].

В следующее десятилетие в общественном дискурсе сложились две противоположные точки зре-

ния, которые можно назвать «правой» и «левой». Консерваторы утверждали, что отцы слишком «обласканы сочувствующим государством» [16]. Журнал «The Economist» напечатал статью, в которой ситуация, когда отцы не поддерживают свои семьи, рассматривалась как несправедливая по отношению к налогоплательщикам: «...когда семья распадается, уровень жизни мужчины становится выше, а женщины и детей – ниже, зачастую ниже уровня бедности. Налогоплательщикам в этом случае приходится содержать первую семью, в то время как мужчина заводит себе вторую. Это – неправильно. Отец, который не может себе позволить содержать две семьи, должен иметь только одну» [13].

Политические комментаторы, относящиеся к «левому» крылу, рассматривали сложившуюся ситуацию как «ответный удар маскулинности» (*masculinist backlash*), настаивая на том, что общество в лице женщин и государства лишило мужчин их роли кормильцев [17]. По их мнению, жадность и индивидуализм, ставшие идеалами во времена Маргарет Тетчер, привели к распаду традиционной семьи, а одинокое материнство и экономическая независимость женщин являются причиной как минимум безответственного, а как максимум – криминального поведения мужчин [18].

В 1991 г. вышел «Закон в поддержку детей» (*Child Support Act*), согласно которому все отцы, разведенные или не состоявшие в браке, должны финансово поддерживать своих биологических детей независимо от их текущего семейного положения. Все отчисления, получаемые от отцов в рамках этого закона, шли непосредственно государству. Скрытой целью этого законопроекта была попытка смоделировать репродуктивное поведение мужчин таким образом, чтобы они имели только то количество детей, которое могут содержать. За сбор средств с отцов стало отвечать специальное Агентство по поддержке детей (*Child Support Agency*), получившее от правительства строжайшие указания относительно расчета суммы, которую нужно востребовать с «отсутствующего родителя», и сложно выполнимые финансовые цели – 560 млн. фунтов в первый год работы [19]. Агентство начало работу в апреле 1993 г., и поток жалоб от отцов, а также уличные протесты не заставили себя долго ждать. Возмущение отцов и их «вторых» семей было настолько велико, что уже через три года правительству пришлось снизить ставку по отчислениям, исключить из внимания обеспеченных отцов, которые могли самостоятельно договориться с матерями о размере алиментов, и вновь сделать основным фокусом своей работы одиноких матерей, создавая для них новые рабочие места. Заставить отцов платить и менять свое поведение в тот раз все-таки не удалось.

Неудачу «Закона в поддержку детей» исследователи объясняют тем, что выплаты отцов государству

или непосредственно матерям не видны ребенку и не позволяют отцу идентифицировать себя с кормильцем и проявлять контроль. Напротив, покупка подарков для ребенка – это проявление контроля и свободный выбор мужчины, а также возможность напрямую контактировать с ребенком [20]. Государство пыталось изменить поведение отцов, их практики, привязать отцов к своим детям, но на количестве эмоциональной заботы, исходящей от отцов, это не сказалось. Таким образом, первая попытка заставить британских отцов быть «хорошими» закончилась лишь более сильным укреплением традиционных гендерных ролей.

В США, как и в Великобритании, в фокусе общественной дискуссии были «плохие отцы». Начиная с «Нового курса» Франклина Рузвельта, т.е. с конца 30-х гг. XX в., под соцзащитой понималась поддержка семейных мужчин в период безработицы. Статус мужчин-кормильцев поддерживается рынком и работодателями, а не государством. Американская система социального обеспечения более всего благоволит пожилым людям, особенно мужчинам, поскольку они в большинстве своем имеют более долгий трудовой стаж [21]. Эта политика практически не изменилась со времен «Нового курса», закрепила за мужчиной статус кормильца и обеспечила ему щедрую пенсию, которую в случае его смерти продолжает получать его жена, если она не работает и экономически зависима от мужа. Это увеличивает привлекательность традиционного гендерного контракта для многих семей.

Следующий этап усиления степени декоммодификации социального режима в США произошел с приходом к власти правительства Рональда Рейгана, когда на места в государственных детских садах смогли претендовать преимущественно дети из нуждающихся семей. Число частных учреждений дошкольного детского образования, соответственно, выросло, не в последнюю очередь за счет налоговых

льгот, предоставляемых государством. Даже на сегодняшний момент высокая стоимость услуг детских садов препятствует тому, чтобы матери выходили на работу [22].

В рамках социальной политики, направленной на защиту прав детей, хорошим отцом считается хороший работник: от него требуется содержать ребенка, но не купать, кормить или как-либо еще напрямую заботиться, также отец не обязан жениться на матери ребенка [21]. Гендерная идентичность мужчины как отца напрямую зависит от его статуса на рынке труда, что ставит в особенно невыгодное положение отцов из маргинализированных групп населения США, принадлежащих к более низкому социальному классу и этническим меньшинствам. Прежде всего, именно положение этих отцов оказалось кризисным.

В 90-е гг. в США заговорили о «безотцовском обществе» (*fatherless society*), отсутствие отца в семье стало социальной проблемой приоритетной важности [5-6]. Огромную роль в привлечении внимания государства к этой проблеме стало играть общественное движение «В защиту ответственного отцовства» (*Fatherhood Responsibility Movement*), в котором принято выделять два крыла: движение в защиту брака (*pro-marriage wing*), участники которого считают вступление в брак главной отцовской обязанностью всех без исключения мужчин, и движение в защиту нестабильных семей (*fragile families wing*), борющееся за права отцов, принадлежащих к низшим слоям общества и этническим меньшинствам [23] (табл. 1).

Несмотря на очевидные различия в установках, все участники движения «В защиту ответственного отцовства» стремятся реагировать на меняющиеся гендерные стереотипы, экономический и культурный климат, условия на рынке труда с целью определить, каким должен быть «хороший» отец, и донести это до общества и государства. Однако го-

Таблица 1

Движение «В защиту ответственного отцовства» в США и его направления

	Движение в защиту брака (<i>pro-marriage wing</i>)	Движение в защиту нестабильных семей (<i>fragile families wing</i>)
Политическая направленность	консерваторы	либералы
Фокус	Ценности, нравственные установки (культурные факторы)	Несовершенство экономической системы, предоставление равных возможностей (структурные факторы)
Целевая аудитория	Публичная арена	Отдельно взятые отцы и семьи
Отношение к браку	Брак приоритетен и должен быть заключен до рождения детей	Брак необязателен и не должен быть целью социальной политики
Причина кризиса отцовства	Меняющееся положение женщин, снижение их зависимости от мужчин	Привилегированное положение «других» мужчин (белых, из более высоких социальных слоев)
Цель	Восстановление позиций брака как института, гарантирующего благополучие детей и мотивирующего отцов на стабильную занятость и ответственность	Решение социальных и экономических проблем, позволяющее увеличить привлекательность мужчин как потенциальных отцов (<i>marriageability</i>)

сударство медленно реагирует на их попытки: так, отпуск по уходу за ребенком в США хоть и является гендерно-нейтральным, но по-прежнему не оплачивается [22].

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ: СКАНДИНАВСКИЕ СТРАНЫ

Модель «двойной зарплаты и заботы» (*dual earner / dual carer model*) стала доминировать в скандинавской социальной политике во второй половине XX в. [24]. Но традиционные семейные формы оставались сильны и поддерживались политиками в Норвегии, Швеции и особенно Финляндии. С середины 70-х гг. социал-демократы и политические партии левого толка пытались выступать за равное разделение функций материальной поддержки и заботы между родителями, в то время как «правые» политики поддерживали традиционный внутрисемейный договор.

В это же время скандинавские исследователи обратили внимание на преимущества менее специализированных, чем в традиционной семье, родительских ролей отца и матери. Много работ было посвящено семье как пространству конфликтующих интересов и радикальные гендерно-ориентированные исследования повлияли на формирование эгалитарной социальной политики, направленной на создание государственных детских садов и предоставление матерям и отцам возможности работать в формате частичной занятости. В 1987 г. предложенная Хельгой Хернес концепция «благоприятного для женщин государства всеобщего благосостояния» (*woman-friendly welfare state*) привлекла к себе широкое внимание [25]. По Хернес, политика равноправия должна пройти три стадии: на первой трудовое законодательство стимулирует женщин выходить на оплачиваемую работу, вторая стадия состоит в проведении гендерно-нейтральной политики равных возможностей, на третьей стадии мужчин призывают брать отпуск по уходу за детьми и участвовать в заботе о них. Главная цель такой политики – гендерное равенство в семье и обществе в целом [25, р. 19].

Другим революционным шагом скандинавского законодательства стало перераспределение обязанностей по уходу за ребен-

ком. Во-первых, эти обязанности взяли на себя как родители, так и государство, открывая детские сады и учреждения раннего развития. Далее, мощную поддержку получило перераспределение родительских обязанностей между матерью и отцом и, как следствие, внутрисемейный контракт работающей матери и занимающегося домашним трудом отца. Законодательно закрепленное гендерное равенство сделало отношения в семье более эгалитарными, а родительские практики менее специализированными [24, р. 32] (табл. 2).

Тем не менее, оценивая эффективность проотцовской социальной политики скандинавских стран в начале 2000-х гг., исследователи пришли к выводу, что в тот момент ее значимость носила скорее символический, а не фактический характер: она не сильно изменила принцип разделения труда между мужчинами и женщинами, и на отцов по-прежнему приходилась небольшая доля от всего отпуска по уходу за ребенком [26]. Однако введение «отцовской квоты» (*daddy quota*) – непередаваемого оплачиваемого отпуска, закрепляемого за отцом, имело успех и увеличило долю отцов, «уходящих в декрет», и длину их отпуска.

Проводимая скандинавскими странами социальная политика оказалась классово-ориентированной: «продвижение отцовства» стало более популярным у среднего, чем у рабочего класса. Отцы, имеющие высшее образование и работающие в государственном секторе, охотнее брали отпуск, поскольку отсутствие на рабочем месте не сильно ударило по бюджету их семьи, а работодатель благосклоннее относился к их решению. Для данной социальной прослойки рефлексия относительно вариантов разделения отпуска и их обсуждение явились ресурсом для достижения более справедливого гендерного порядка в семье [27]. Для менее образованных семей непроверенное предположение о том, что отцовский отпуск приведет к потере дохода, а также традици-

Таблица 2

Гендерное равенство в скандинавских странах: законодательные реформы

	Дания	Финляндия	Норвегия	Швеция
Планирование семьи Одобрены противозачаточные таблетки	Середина 1960-х гг.	1961 г.	1967 г.	1964 г.
Разрешены аборты	1973 г.	1970 г.	1978 г.	1975 г.
Отпуск по уходу за ребенком Родителям предоставлен оплачиваемый отпуск после рождения ребенка	1984 г.	1978 г.	1978 г.	1974 г.
Часть отпуска закрепляется за отцом	1997 г. (отмена в 2002 г.)	2003 г.	1993 г.	1994 г.
Право на 6-часовой рабочий день для родителей маленьких детей	-	1988 г.	-	1979 г.
Равные возможности Акт о равных возможностях на рынке труда	1978 г.	-	-	1980 г.
Акт о гендерном равенстве	-	1987 г.	1979 г.	-

онные культурные представления о родительстве, в особенности материнстве, препятствовали эффективным переговорам относительно отпуска как в семье, так и на рабочем месте.

Таким образом, постреформенное десятилетие показало, что одной социальной политики, какой бы революционной она ни была, недостаточно, чтобы изменить существующий гендерный порядок. В рамках новых дискурсов родительства необходимо признать, что оба родителя обладают необходимыми ресурсами, чтобы хорошо заботиться о детях, и что у мужчин, кроме работы, есть другие интересы и зоны ответственности.

КОНСЕРВАТИВНЫЙ РЕЖИМ: ГЕРМАНИЯ

В Германии, в отличие от США и Великобритании, источником «алармистского» дискурса вокруг отцовства служило не «безотцовское общество», а скорее низкий уровень рождаемости, высокая стоимость жизни и бедственное положение матерей-одиночек [28]. Пошатнувшееся уважение к фигуре отца стало приметой первого послевоенного поколения, когда феномен «авторитарной личности» и поддержка нацизма сплелись в общественном сознании со слабостью и отсутствием авторитета мужей и отцов [29]. После окончания Второй мировой войны в Западной и Восточной Германии сложились два совершенно разных гендерных режима. Гендерный контракт, существовавший в ФРГ, соответствовал типичной модели «отца-кормильца», предполагал традиционное разделение труда в семье, зависимое положение матерей и отсутствие прав у отцов, находящихся в разводе или не состоящих в браке. В ГДР само государство выполняло роль отца, позволяя матерям совмещать материнские и гражданские обязанности, т.е. работать и строить социалистическое государство, отцы же оказались в дискриминированном положении. Когда рухнула Берлинская стена, в ГДР государство оплачивало 80 % расходов на воспитание детей напрямую или косвенно – в виде государственных детских садов, детских лагерей, пособий матерям-одиночкам. Государство хорошо защищало матерей Восточной Германии от бедности, и, если использовать понятия «благоприятное для женщин государство» (*woman-friendly state*), «дефамилизация» (статус, который гарантирует приемлемый стандарт жизни для женщины с детьми, поддерживающийся либо через оплачиваемую работу, либо через систему социального обеспечения) и «экономическая независимость женщин от мужчин» [28, р. 154], то Восточная Германия была воплощением их всех. В результате после объединения страны восточно-германские женщины были скорее заинтересованы в стабильной занятости, а не в равном разделении обязанностей по дому. Западная же Германия, напротив, была классическим воплощением консервативного социального режима

с присущим ему принципом субсидиарности, признающим вмешательство государства только тогда, когда семья не в состоянии справиться с возникшей ситуацией [9-10]. Так, создание государственных детских садов противоречит этому принципу. На социальную политику Западной Германии также оказала большое воздействие католическая церковь, согласно канонам которой интересы семьи ставятся выше интересов отдельного индивида. Семьи с одним «кормильцем» пользовались льготным налогообложением, а в случае развода мать, не занятая на рынке труда, вполне могла оказаться за чертой бедности, в отличие от своей коллеги из Восточной Германии.

После объединения Германии и принятия нескольких законов, действующих в интересах отцов, позволяющих им брать отпуск по уходу за ребенком и закрепляющих их права в случае развода, традиционные представления о роли матери и отца в семье по-прежнему очень распространены как среди мужчин, так и среди женщин, что подтверждает мнение о том, что изменения в законодательстве не обязательно приводят к изменению практик. Пол Зулеер и Райнер Вольц разработали типологию мужчин Восточной и Западной Германии: приверженцы традиционных ценностей (ими оказались 19 % мужчин), два смешанных типа – «неуверенные» (37 %) и «прагматики» (25 %) и «новые» мужчины (20 %), которые обычно имеют хорошее образование, являются вовлеченными отцами и ответственными партнерами [28]. «Неуверенные» мужчины признают равные права женщин, но скорее в теории, чем на практике. «Прагматичные мужчины» скорее традиционны и склонны отдавать приоритет собственным интересам, но иногда по необходимости могут взять на себя часть домашней нагрузки. Все респонденты, независимо от их типа, придерживались стереотипов относительно личных качеств мужчин и женщин (например, мужчина – рациональный лидер, женщина – хранительница очага и т.д.). Применяв такую же типологию к женщинам, исследователи обнаружили больше «новых» женщин, чем мужчин, что скорее не удивительно. Гораздо большим откровением явился тот факт, что распределение типов мужчин в Восточной и Западной Германии было очень похожим. Восточно-германские мужчины считали себя менее «традиционными» и более открытыми для новых паттернов маскулинности, однако доли «неуверенных» и «прагматиков» совпали в обеих бывших Германиях.

Как отмечает Илона Остнер, в Германии об отцах очень редко говорят в позитивном ключе [28]. «Новую» роль отцов необходимо артикулировать в общественном дискурсе, а также сдвинуть фокус социальной политики с мужей на отцов. Общество ожидает от отцов, что они не только будут выполнять роль «кормильца», но и будут служить источником

поддержки и заботы для своих детей и их матерей. Однако структурные ограничения, нестабильный рынок труда и укоренившиеся традиционные установки препятствуют появлению «новых» отцов.

В заключение отметим, что независимости от гендерного режима, присутствующего в той или иной стране, анализ истории «алармистского» дискурса вокруг отцовства показывает, что общественные настроения и социальная политика меняются гораздо быстрее, чем реальные практики. Несмотря на то, что политика многих развитых стран направлена на равное распределение рабочих и семейных обязанностей в семье, различия между гендерными режимами в этих странах остаются существенными. Как отмечает Барбара Хобсон, кризис отцовства следует рассматривать не только как кризис модели «отца-кормильца», но и как кризис стран всеобщего благосостояния [30].

Безусловно, понятие «социальный режим» является мощным аналитическим конструктом для изучения гендерного устройства общества. Однако нельзя забывать, что деление стран на режимы остается теоретическим инструментом, и ни одна отдельно взятая страна не представляет собой чистое воплощение либерального, консервативного или социально-демократического режима. Даже эгалитарная, «дружественная женщинам» социальная политика скандинавских стран имела в каждой из них свой, отличный от других стран, эффект.

Кризис отцовства невозможно преодолеть без решения извечной проблемы несовпадения политики и риторики. Гендерное равенство так же трудно достижимо без публичного дискурса вокруг разделения труда в семье, равных возможностей на рынке труда и социального неравенства. Государственная семейная политика должна способствовать формированию не одного «семейного контракта», а их множества. Нельзя всерьез говорить о выборе женщины между материнством и работой и выборе мужчины между карьерой и заботой о детях, если в стране отсутствуют доступные и профессиональные учреждения дошкольного образования, а домашний труд и эмоциональная работа по уходу за детьми имеют низкую ценность в глазах общества по сравнению с оплачиваемым трудом.

Литература:

1. Гидденс Э. Ускользающий мир. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
2. Beck U., Beck-Gernsheim E. The normal chaos of love. – Cambridge: Polity, 1995. – 231 p.
3. Sumer S. European gender regimes and policies. – Ashgate publishing group, 2009. – 154 p.
4. Esping-Andersen G. A New Gender Contract. // Esping-Andersen G., Gallie D., Hemerijck A., Myles J. (eds.) Why We Need a New Welfare State. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – P. 68-95.
5. Popenoe D. The decline of fatherhood: Disappearing dads are destroying our future // The Wilson Quarterly – Sept-Oct, 1996. – URL: <https://clck.ru/9Ua4a> (дата обращения: 12.04.2015 г.).
6. Blankenhorn D. Fatherless America: confronting our most urgent social problem. – N.Y.: Harper Perennial, 1996. – 328 p.
7. Connell R.W. The state, gender and sexual politics: theory and appraisal // Theory and society. – 1990. – № 19. – P. 507-544.
8. Sainsbury D. Gender, policy regimes and politics // Sainsbury D. (ed.) Gender and welfare state regimes. – Oxford: Oxford University press, 1999. – P. 245-293.
9. Esping-Andersen G. The three political economies of the welfare state // Kolberg J.E. (ed.) The study of welfare state regimes. – N.Y.: M.E. Sharp, 1992. – P. 92-123.
10. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. – Cambridge: Polity, 1990. – 248 p.
11. Hobson B. (ed.) Making men into fathers. Men, masculinities and the social politics of fatherhood. – Cambridge: Cambridge university press, 2002. – 340 p.
12. Orloff A.S. Gender and the Social Rights of Citizenship: The Comparative Analysis of State Policies and Gender Relations // American Sociological Review. – 1993. – № 58(3). – P. 303-328.
13. Lewis J. The problem of fathers: policy and behavior in Britain // Hobson B. (ed.) Making men into fathers. Men, masculinities and the social politics of fatherhood. – Cambridge: Cambridge university press, 2002. – P. 125-149.
14. Williams F. Troubled masculinities in social policy discourses: fatherhood // Popay J., Hearn J., Edwards J. (eds.) Men, gender divisions and welfare. – London: Routledge, 1998. – P. 63-100.
15. Collier R. Men, Law and Gender: Essays on the “Man” of Law. – London: Routledge, 2010. – 292 p.
16. Gilder G. Wealth and Poverty. – N.Y.: Basic Books, 1981. – 448 p.
17. Dennis N., Erdos G.E. Families Without Fatherhood. – London: IEA Health & Welfare Unit, 1992. – 127 p.
18. Halsey A.H. Changes in the family // Children and Society. – 7(2), 1993. – P. 125-136.
19. Millar J. Family obligations and social policy: the case of child support // Policy Studies. – 1996. – № 17(3). – P. 181-193.
20. Bradshaw J., Stimson C., Carol Skinner C., Williams J. Absent Fathers? – London: Routledge, 1999. – 258 p.

21. Orloff A.S., Monson R. Citizens, workers or fathers? Men in the history of the US social policy // Hobson B. (ed.) Making men into fathers. Men, masculinities and the social politics of fatherhood. – Cambridge: Cambridge university press, 2002. – P. 61-91.
22. Collins G. What happened to working women? // The New York Times. – 16 Oct 2015. – URL: http://www.nytimes.com/2015/10/17/opinion/what-happened-to-working-women.html?ref=opinion&_r=0 (дата обращения: 09.11.2015 г.).
23. Gavanas A. Fatherhood Politics in the United States: Masculinity, Sexuality, Race and Marriage. – Chicago: University of Illinois Press, 2004. – 221 p.
24. Ellingsæter A.L., Leira A. (eds.) Politicising Parenthood in Scandinavia : Gender Relations in the Welfare State. – Bristol, GBR: Policy Press, 2006. – 286 p.
25. Hernes H. Welfare State and Woman Power. – Oslo: Norwegian University Press, 1987. – 176 p.
26. Bergman H., Hobson B. Compulsory fatherhood: the coding of fatherhood in the Swedish welfare state // Hobson B. (ed.) Making men into fathers. Men, masculinities and the social politics of fatherhood. – Cambridge: Cambridge university press, 2002. – P. 92-124.
27. Lammi-Taskula J. Nordic men on parental leave: can the welfare state change gender relations? // Ellingsæter A.L., Leira A. (eds.) Politicising Parenthood in Scandinavia: Gender Relations in the Welfare State. – Bristol, GBR: Policy Press, 2006. – P. 79-99.
28. Ostner I. A new role for fathers? The German case // Hobson B. (ed.) Making men into fathers. Men, masculinities and the social politics of fatherhood. – Cambridge: Cambridge university press, 2002. – P. 150-167.
29. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. – М.: Серебряные нити, 2001. – 510 с.
30. Hobson B., Lewis J. and Siim B. (eds.) Contested Concepts in Gender and Social Politics. – Cheltenham: Edward Elgar, 2002. – 252 p.

Fatherhood in Different Social Regimes: the Origin of the «Alarmist» Discourse

A.N. Lipasova

National Research University «Higher School of Economics»

The article is devoted to the analysis of gender regimes in welfare states from the angle of “alarmist” fatherhood discourse, which appeared in the 80-ies. Gender regime is a set of rules and norms which create stable expectations regarding gender relations and assign specific rights and responsibilities to men and women. The theoretic frame of the comparative analysis consists in the classification of social welfare regimes by G. Esping-Andersen and the model of gender policy regimes by J. Sainsbury. In the welfare states, that can be classified as belonging to liberal, social-democratic and conservative regimes, there were different reasons of the fatherhood crisis. In the liberal regime states (the UK and the USA) “fatherless society” was the source of public social alarm, along with the weakening moral authority of fathers. In the social-democratic regime of Scandinavian countries the strengthening of egalitarian family relations was in the focus of family social policy. In the conservative regime countries like Germany the traditional “male-breadwinner” model became socially and economically out-of-date. The author comes to the conclusion that in all the countries which were being analyzed real fathering practices lag behind the public discourse and conducted social policy.

Keywords: fatherhood, gender, family social policy, gender regime, social regime.

